

– СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВ –

DOI 10.25587/2782-6627-2024-3-5-16

УДК 811.512.157; 512.154

Структурная и семантическая характеристика антропонимов в якутском и киргизском героических эпосах

А. Л. Жансай

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия
E-mail: aman287@mail.ru

Аннотация. В настоящее время продолжается работа по переводу на якутский язык эпосов тюрко-монгольских народов, якутский эпос олонхо издается в переводе на эти языки. В связи с этим приобретает особую актуальность сравнительно-сопоставительное изучение эпических традиций народов, а также различных пластов культуры и языка, представленных в этих эпосах. Языковой материал позволяет проводить исследования во всех областях языкознания, включая ономастику. Целью настоящей статьи являются выявление и описание универсальных и уникальных явлений в структуре и семантике собственных имен в якутском и киргизском эпосах, описание способов передачи личных имен героев эпоса «Манас» в якутском переводе. Для достижения названной цели решены следующие задачи: краткое освещение истории и основных результатов изучения личных имен героев эпосов, систематизация особенностей именназвания и структуры именных формул (эпитет, показатель, титулатура, клички боевых коней и др.), определение особенностей в каждой из традиций путем их сравнения, анализ исторических и языковых условий, обусловивших эти явления. Изучены приемы и принципы, которыми руководствовались переводчики при передаче киргизской антропонимики на якутском языке. В исследовании применены описательный метод, методы лексико-семантического и сравнительно-исторического анализа. Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из работ вышеуказанных исследователей, текстов эпоса «Манас» на киргизском, якутском и русском языках. В результате исследования выявлены различия в количестве и качестве элементов именной формулы, присутствие в эпосе «Манас» имен реальных исторических личностей и их отсутствие в эпосе олонхо, определены языки-доноры и семантика заимствованных имен. Описан метод фонетической адаптации, применявшийся при переводе личных имен эпических героев. Данному методу дана высокая оценка, как единственному возможному способу сохранения художественных особенностей произведения. Приведены примеры неточностей при переводе имен, обусловленных посреднической ролью третьего языка. Высказывается мнение о необходимости ориентирования на язык-оригинал при переводе.

Ключевые слова: якутский язык, киргизский язык, эпос, олонхо, Манас, антропонимика, именные формулы, структура, семантика, перевод, фонетическая адаптация.

Для цитирования: Жансай А. Л. Структурная и семантическая характеристика антропонимов в якутском и киргизском героических эпосах. *Алтаистика. Altaistics*. 2024, № 3(14), С. 5-16. DOI 10.25587/2782-6627-2024-3-5-16

ЖАНСАЙ Аман Леонидович – м. н. с. отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН ФГБУН ФИЦ «ЯНЦ СО РАН», г. Якутск, Россия.

E-mail: aman287@mail.ru

ZHANSAY Aman Leonidovich – Junior research fellow, Department of the Yakut language, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.

Structural and semantic characteristics of anthroponyms in the Yakut and Kyrgyz heroic eposes

A. L. Zhansai

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Yakutsk, Russia
E-mail: aman287@mail.ru

Abstract. The Yakut and Kyrgyz eposes contain a variety of material for studying history, language, tradition, religious beliefs, ethnogenesis, material and spiritual culture. Currently, the translation of eposes of the Turkic-Mongolian peoples into the Yakut language continues, the Yakut epos Olonkho is published in these languages. The Kyrgyz epic “Manas” was translated into the Yakut language, and the olonkho “Nurgun Bootur the Swift” was translated into the Kyrgyz language. In this regard, comparative and contrastive study of the epic traditions of peoples, various layers of culture and language presented in these eposes is particularly relevant. The language material allows for research in all areas of linguistics, including onomastics. The proper names of Olonkho have been the objects of many studies in the field of Yakut folklore, the typological structure, models and semantics of the anthroponymy of Olonkho have been studied most fully and comprehensively by N.I. Filippova. The personal names of the heroes of the Kyrgyz epic “Manas” are reflected in the works of Abramson S., Bernstam A., Zhirmunsky V., Sheriev A. The purpose of this article is to identify and describe universal and unique phenomena in the structure and semantics of personal names in the Yakut and Kyrgyz eposes. To achieve this goal, the following tasks were solved: a brief overview of the history and main results of the study of personal names of epic heroes, systematization of the features of naming and the structure of name formulas (epithet, indicator, title, nicknames of war horses, etc.), determination of features in each of the traditions by comparing them, analysis of historical and linguistic conditions that determined the identified phenomena. The study revealed differences in the quantity and quality of elements of the name formula, the presence of names of real historical figures in the Manas and their absence in the Olonkho, and identified donor languages when determining the semantics of borrowed names. Inaccuracies in translating personal names of epic heroes, caused by the intermediary role of the third language, were identified.

Keywords: Yakut language, Kyrgyz language, epic, epos, Olonkho, Manas, onomastics, anthroponymy, proper names, structure, semantics.

For citation: Zhansai A. L. Structural and semantic characteristics of anthroponyms in the Yakut and Kyrgyz heroic eposes. *Altaistics*. 2024, No 3 (14), Pp. 5-16. DOI 10.25587/2782-6627-2024-3-5-16

Введение

У многих народов в дописьменный период развития фольклор являл собой концентрацию их мировидения, космогонической мифологии, в нем кодифицировались основы традиционных верований, поведенческие модели, находило отражение социальное устройство, прослеживалась генеалогия.

Ярким примером считается древнейший якутский эпос олонхо. Отмечается, что олонхо «вобрало в себя представления древних якутов о мироздании, социальной действительности, нравственности (в том числе героике), о прекрасном и безобразном, религиозные и мифологические мотивы и т. д. На олонхо многие и многие поколения якутов учились народному миропониманию, усваивали народные эстетические взгляды» [1, с. 3]. Исследователи киргизского фольклора называют эпос «Манас» вершиной устного народного творчества, воплощением духовного и исторического развития киргизского народа. Эпос, по праву, считается консолидирующим фактором этноса, основой его самоидентификации [2].

Эпос «Манас» содержит в себе достоверные факты из многовековой истории киргизов, взаимоотношений с различными государствами и народами, в нем представлены ценные данные для изучения этногенеза. Этим и отличается эпос киргизов от эпосов других тюркомонгольских народов, в нем «превалируют исторические события, тогда как в богатырских

поэмах алтайцев, якутов, бурятов преобладают архаические пласты, широко представлена мифология» [3, с. 39]. «Манас» позволяет близко ознакомиться и детально рассмотреть все составляющие богатой материальной и духовной культуры киргизов, дошедшие из глубины веков до наших дней во многом благодаря эпосу.

К. Д. Уткин, сравнивая соотнесенность сюжетов олонхо и «Манаса» к историческим событиям, пишет, что «если киргизский эпос обозначен определенным историческим временем, привязан к конкретному географическому месту, то об олонхо никто еще не осмеливается оперировать точными историческими или географическими параметрами. <...>. В нем нет конкретного воспоминания об истории народа, описания и сюжеты окрашены элементами сверхъестественной мифологической фантастики» [4, с. 3]. Действительно, в эпосе олонхо мы не находим прямых отсылок к реальным событиям, имевшим место в прошлом якутского народа. Несмотря на то, что некоторые исследователи интерпретируют отдельные сюжеты олонхо как отражение тех или иных исторических событий, на сегодня это остается только предположением.

Тем не менее вне зависимости от исторической достоверности сюжетных линий якутский и киргизский эпосы бесспорно являются энциклопедиями жизни этих народов, отражающими все его параметры.

Особый интерес исследователей вызывают антропонимы как один из источников разнообразного материала для изучения этапов исторического и социального развития народа. Кроме того, исследователи объясняют повышенный интерес к личным именам ростом антропоцентричности науки о языке и смещением акцента на культурологические и социальные аспекты языковых фактов [5].

Ономастический материал для целей настоящего исследования отобран методом сплошной выборки из работ Н. И. Филипповой, Н. В. Емельянова, А. К. Павловой, С. М. Абрамzona, А. Н. Бернштама, В. М. Жирмунского, текстов эпоса «Манас» на языке оригинала и в переводе на якутский и русский языки.

Антропонимика эпоса олонхо

Имена персонажей олонхо были выделены и представлены самостоятельно в качестве словарных статей и иллюстративного материала в Словаре якутского языка Э. К. Пекарского. В этом словаре наряду с обычными якутскими именами и прозвищами приведено 203 имени персонажей олонхо [6]. Проведенную автором словаря работу можно охарактеризовать как регистрацию имен из имевшихся в его распоряжении фольклорных текстов с небольшими пояснениями по категориям героев без уточнения этимологии. Дальнейшее изучение также практически ограничивалось фиксацией имен персонажей олонхо и смысловым переводом их на русский язык. Фольклорист Н. В. Емельянов в качестве приложения к своему труду «Сюжеты якутских олонхо» приводит Словарь персонажей и местностей, в котором дает небольшое пояснение по структуре имен эпических персонажей: «Имена персонажей соответствуют возвышенному стилю эпической героизации олонхо. Они по своей структуре сложны. Так, полное имя богатыря Дыырай Бэргэна следующее: «Владеющий бесценными полянами, многочисленными долинами, едущий на Вороном коне, Лошади сын Дыырай Бэргэн». Основываясь на приведенном и других примерах, автор приходит к выводу, что собственные имена персонажей олонхо состоят из двух частей: пояснительной и основной. Пояснительная часть имени героя, включает в себе сведения о месте рождения, о его стране, кличке богатырского коня. А в именах абаасы пояснительная часть имеет отрицательный смысловой оттенок, характеризующий их кровожадность, алчность [7, с. 338].

В диссертации «Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо» (2000) Н. И. Филипповой впервые комплексно описаны типологическая структура, модели и семантика собственных имен антропонимики олонхо. Здесь собственные имена персонажей олонхо охарактеризованы как богатый и своеобразный пласт языка, отражение особого эпического мира, имеющего свою иерархию, правила наречения, и которые создаются олонхосутами по законам художественной эпической поэтики, следуя основным этнокультурным канонам и традициям народа саха [6].

В отличие от Н. В. Емельянова, считавшего имена героев олонхо двусоставными [7], Н. И. Филиппова указывает на преобладающую трехкомпонентность антропонимов – *эпитет (преномен) + основное имя (номен) + показатель (постномен)* [6, с. 12]. Указанная структура представлена в таких именах, как *Дьулуруйар Ньургун Боотур, Бүдүрүйбэт Мүлдьү Бөбө, Күн Сыралыман Куо, Уот Чымаадай Ойуун*.

Исследователи также отмечают особенности антропонимики, присутствующие в олонхо отдельных улусов. Например, имена богатырей *айыы* в северо-восточной эпической традиции якутов разделяются на четыре группы по способу образования: 1) содержащие слово *бухатыыр*; 2) со словом *бэргэн*; 3) со словом *соботох*; 4) содержащие только собственное имя. Причем присутствие в имени компонента, обозначающего одиночество, подчеркивается как особенность северо-восточной традиции [8, с. 59]. Пользуясь моделью, разработанной Н. И. Филипповой, можем отнести слова *бухатыыр* ‘богатырь’ и *бэргэн* ‘меткий’ к эпитетам. Слово *соботох* относится к части имени, состоящего из двух компонентов. Наиболее часто встречающееся имя – Эр Соботох (*букв.* Одинокий муж). Одиночество и сиротство героев можно объяснить малонаселенностью, малолюдностью тех мест, где зарождалась описываемая локальная эпическая традиция. Это перекликается с архаичными сюжетами общек якутских олонхо. В качестве причины можно указать то обстоятельство, что первопроходцы, осваивавшие ранее неизведанные, новые для якутов ареалы обитания, в большинстве своем были одиночками, вынужденными по различным причинам искать себе новое пристанище. Изначальные сюжеты о заселении предками центра якутской ойкумены переместились со временем на ее окраины, став основой для новых эпических традиций.

Еще одна особенность северо-восточных олонхо заключается в отсутствии личных имен у богатырей *абаасы*. В текстах олонхо они чаще упоминаются как *абааһы бухатыыра* ‘богатырь аабасы’, *абааһы уола* ‘сын абаасы’, *абааһы киһи* ‘человек абаасы’ [9, с. 115]. Напомним, что это характерно лишь для олонхо северо-восточного региона.

В остальных же олонхо все персонажи обладают собственными именами различной сложности, в независимости от их значения в развитии сюжетных линий. Отмечается, что «своеобразные имена имеют многочисленная родня, слуги, шаманы и шаманки, кузнецы, мифологические существа: божества, духи огня, земли, дома, дорог, коновязи и т. д.» [6, с. 9].

Этимологический анализ личных имен и его составных частей демонстрирует преобладание основ, имеющих параллели в тюрко-монгольских языках, что вполне объяснимо историческими процессами, сопутствовавшими этногенезу якутов и формированию лексики якутского языка. Многими авторами признаются универсалии в показателях богатырства, социальной титулатуры древних тюрко-монгольских государств.

Кроме того, в пользу непрерывности развития олонхо как фольклорного жанра говорит наличие единичных случаев заимствования из тунгусо-маньчжурских и русского языков. Н. И. Филиппова характеризует подобные вкрапления как элементы, используемые для усиления эмоциональной выразительности в якутских собственных именах персонажей

[6]. В качестве примера можно привести такие имена, как *Куруубай хааннаах Кулун Куллу-стуур* (*Куруубай хааннаах* дословно ‘с грубой кровью’), *Булкуурдаах Муус Бээлэй Дьэгэ-бааба Эмэгэт Чаадай удазан* (*Бээлэй* ‘белый’, *Дьэгэ-бааба* ‘Баба-яга’) и др.

Описываемая в якутском эпосе процедура имянаречения являет нам отсутствие единой, устоявшейся традиции. В различных сюжетах порядок присвоения имени героям различается. Но при этом можно выделить основные, самые распространенные способы получения имени. Для этого обращаемся к сюжетам олонхо, описанным Н. В. Емельяновым [7]. Так, в олонхо «Шаманки Уоллумар и Айгыр», имена новорожденным сыновьям персонажей *Кюн Эрилика* и *Бэриэт Бэргэна* даются богиней Айыысыт, явившейся по традиции во время родов. Персонажа другого олонхо *Сылгы Уола Дыырай Беге* (дословно *Сын Лошади Дыырай беге*) нарекает именем воспитательница – дух-хозяйка земли Айхал Мичил, имя было мотивировано фактом обнаружения его новорожденным в конском загоне, где его оставила мать – дочь Юрюнг Айыы Тойона. В другом случае герой *Сын Лошади Аталами Богатырь*, в действительности рожденный от лошади, рос без имени, пока не собрался ехать в чужую страну, только тогда он попросил свою мать-лошадь наречь его именем. Также имя может быть дано еще до рождения. К примеру, *Белая Юкэйдээн* просила о помощи небесных шаманок, которые вняли мольбам женщины и прилетели к ней. Они предсказали, что родится мальчик. Дали ему имя *Басымджи богатырь*. Этот ребенок должен был спасти свою мать от плена и смерти. Случай самонаречения именем встречается в олонхо «Эр Соготох», это объясняется тем, что герой являлся первым человеком на земле и назвать себя мог только сам.

Еще одной особенностью имен богатырей олонхо является сопровождение их кличками коней. К примеру, *Үрүмэччи манган аттаах Үрүг Уолан бухатыыр* ‘Мотыльковобелым конем владеющий Юрюнг Уолан богатырь’. Это объясняется тем, что кличка коня, дающаяся по его масти, созвучна с именем богатыря, так как полное наименование героя совместно с кличкой коня образует одну эпическую формулу [6, с. 13]. Действительно, сам богатырь, обладающий эпитетом *Үрүг* ‘белый, светлый’ и восседающий на таком же белом коне, вызывает у слушателя определенные ассоциации и создает образ светлого героя.

Таким образом, антропонимика якутского эпоса олонхо явилась объектом многих исследований и в настоящее время различные ее аспекты глубоко и полно изучены. Установлены и описаны структурные особенности, их зависимость от личных качеств, роли и происхождения героя, дана характеристика региональных традиций. Несмотря на преобладание имен тюрко-монгольского происхождения, зафиксированы заимствования из русского и тунгусо-маньчжурских языков.

Антропонимика эпоса «Манас»

Один из видных исследователей киргизского фольклора С. М. Абрамзон сообщает, что наречению имени в киргизской семье придавалось большое значение. С ним связывалось будущее благополучие человека, в него вкладывалось определенное содержание, оно должно было влиять на судьбу младенца. С упрочнением мусульманской идеологии имя давал сразу после рождения ребенка или грамотный человек (*молдо*), или муэдзин (*азанчы* или *азан чакырган киши*), но довольно часто давал и сам отец ребенка. Среди киргизских имен встречалось много арабских, но все же большинство их были народного происхождения. Имена детей старались связать с добрыми пожеланиями [10].

Нами, в первую очередь, особое внимание уделяется имени главного героя киргизского эпоса – Манаса, его этимологии, титулатуры. В одном из вариантов эпоса приведено описание процесса имянаречения героя:

Баланы Жакып алыптыр,
 Этегине салыптыр:
 – Ат коюңар, – деп айтып,
 Кыргыздарга барыптыр.
 Отурган эрлер дегдеди,
 Оозуна бир ат келбеди.
 Ат коё албай алдырап,
 Акылмандын баарысы
 Карап турду жалдырап.
 Жеке мерсент балага
 Ат коё албай көпчүлүк
 Камалып турган чагында,
 Асасы колдо шалдырап,
 Пайда болду думана
 Отурган элдин жанына:
 – Берсенер эгер уруксаат,
 Мен коёюн атын – деп,
 Думана айтты бу кепти.

Вышел Жакып к гостям,
 В подол чапана завернув дитя,
 И с просьбою обратился,
 Чтоб дали младенцу имя.
 Все думали, стоя и сидя,
 Как же ребёнка назвать.
 Да, вот никто из мудрейших
 Имя не смог ему дать:
 Размышлять все устали,
 Затылки чесали, молчали.
 Вдруг скитальца, бредущего
 С посохом, они увидали,
 Молвил скиталец слова:
 – Разрешите мне сказать,
 Имя младенца назвать...
 – Назови! – закричала толпа.
 Говорит дервиш тогда:

– Ат коюңуз, макул, – деп,
 Адамдын баары чуу эти.
 – Пайгамбардын сүрөтү –
 Баш жагына «мем» келсин.
 Олуянын сүрөтү –
 Ортосуна «нун» келсин.
 Арыстандын боруму –
 Аягына «сен» келсин.
 Ал үчөөнү кошкондо,
 Аты болсун «Манас»! – деп, –
 Алда Таала сактасын,
 Алас, алас, алас – деп, –
 Ар балаадан калас! – деп,
 Бата кылды думана.
 Алакан жайып дүркүрөп,
 Ат коюлду «Манас» деп.
 Көздөн кайым жок болду
 Эми эле турган думана [19].

– Первым пусть будет звук «Мен»,
 Образ посланника Бога,
 Означающий пророка.
 В середине пусть будет «Нун»,
 Образ святой доброты.
 И конечным пусть будет «Син»,
 Образ могучего льва.
 Вместе сложите три слога,
 Услышите слово «Манас».
 Имя это, слово гранит,
 Навсегда нам Бог сохранит!
 Дав имя младенцу «Манас».
 Прокричав трижды «алас»,
 Чтобы Бог хранил малыша
 Во всех деяниях его,
 Исчез дервиш вмиг с глаз
 [11, с. 22–23].

В данном случае четко прослеживается влияние ислама на каноны имянаречения, да и сама этимология имени имеет отсылки к арабскому языку, что свидетельствует о более поздних по хронологии попытках объяснения имени легендарного героя и его интеграции в новую мировоззренческую концепцию. Большинство исследователей без всяких сомнений находят корни имени в эпосах тюркских народов, зародившихся задолго до появления ислама. П. Н. Берков считает, что в алтайском «Алып-Манаше» можно видеть одного из древнейших «родственников» киргизского «Манаса» [12, с. 237]. А мусульманские наслоения в эпосе В. М. Жирмунский называет «наиболее поздними и поверхностными». В эпосе представления домусульманской эпохи перекрыты новой мусульманской идеологией, хотя всюду они просвечивают сквозь эти наслоения недавнего времени [13, с. 83].

В этой связи можно найти разнообразные объяснения значения имени Манас. Одни, основываясь на связях народов Сибири и Центральной Азии с манихейско-буддийскими тра-

дициями, называют возможным заимствование из санскрита: «в санскрите термин *манас* означает ‘ум, способность человека мыслить’ [14, с. 19]. Существуют версии, отсылающие к слову *мани* со значением ‘учитель, наставник’ [15, с. 179]. Один из авторов якутского перевода эпоса «Манас» на якутский язык А. Г. Гуринов видит связь имени с якутским глаголом *манаа-*, означающего ‘караулить, стеречь, охранять что-либо, поджидать кого, что-либо, пасти (скот), подстерегать (напр., дичь), выжидать’. Далее он предполагает, что «от глагола *мана-* ~ *манаа* – путем аффиксации образовалось имя прилагательное *манас* ~ *манаи* ‘стрегающий, охраняющий’, например, в те времена словосочетание *манас баатыр*, видимо, означал ‘стерегающий, охраняющий батыр’» [16].

Необходимо отметить, что имена большинства персонажей киргизского эпоса являются односоставными, что существенно отличает их от имен героев якутского эпоса олонхо. В ряде случаев такое явление объясняется большей распространенностью в киргизском языке словосложения как способа образования новых лексем. К примеру, такие имена, как *Айчүрөк*, *Бокмурун*, *Бөрүкөз*, *Карабөрк*, *Кишитаи*, *Музкиндик* были бы переданы в якутском языке двумя словами: *Ый Сүрэх*, *Саах Мурун*, *Бөрө Харах*, *Хара Бэргэхэ*, *Киһи Таас*, *Муус Киин*. Еще одним отличием является нестабильность эпитетов, показателей и титулатуры в составе киргизских героических антропонимов. При наименовании главного героя чаще применяется эпитет *айкөл* ‘великодушный, благородный’. В киргизско-русском словаре дается пояснение, что слово возникло путем сложения двух слов *ай* ‘месяц’ и *көл* ‘озеро’, также дается пример – *айкөл – чалкар көл сыяктуу кең киши* ‘широкий (великодушный, благородный), как огромное озеро, человек’ [17, с. 31].

Частое применение эпитетов *көк бөрү* ‘синий волк’ и *көк жал* ‘синегривый волк’ объясняется тем, что почитание предками киргизов «синего», «синегривого волка», глубинной сини неба (*көк Теңри*), возможно, первоначально было связано с определенными магическими функциями [3, с. 27].

В эпосе «Манас» титулатура представлена весьма разнообразно. Наиболее часто в отношении самого Манаса и его ближайшего окружения применяются следующие титулы: *хан-кан*; *аким*; *улук*; *султан*; *падыша*; *төрө*; *мырза*; *оён*; *сайыппуруш*; *бек*; *баатыр* и др. Большинство из данных терминов исследователи относят к заимствованным из других языков, что вызвано заимствованием самих фольклорных сюжетов, вошедших в эпос.

Особенностью привнесенных титулов также является то, что они, не найдя реальной ранговой соотнесенности в языке-реципиенте, выступают как эпитеты или качественные характеристики персонажей. При этом указанные титулы-эпитеты могут служить в тексте для увеличения синонимов для характеристики богатыря. К таким, к примеру, относят титулы *сайыппуруш*, *султан*, *оён* [18, с. 6].

Кроме имени самого Манаса нами рассмотрены эпитеты, прилагаемые к именам ближайших соратников Манаса – Кошойа, Бакая, Алмамбета, Чубака и Сыргака, а также частота их применения. Для анализа использован текст эпоса «Манас» в варианте известного сказителя-манасчы – Саякбая Каралаева [19, 20].

Высока частотность эпитетов *эр* ‘мужчина, богатырь’, *кабылан* ‘леопард, тигр’, *кыраан* ‘ловкий’, *арстан* ‘тигр’, *шер* ‘лев’, *жолборс* ‘тигр’, *көк жал* ‘синегривый’. Большинство эпитетов являются зоонимами, обозначающими хищных животных. В целом зооморфная метафора является излюбленным методом в фольклоре. Тем самым предпринималась попытка показать характерные черты человека в сравнении с представителями животного мира, внешние и поведенческие образы которых вызывали восхищение и желание подражать. Отмечается, что «основанием для сравнения служат некие стереотипные признаки животного, закрепившиеся в конкретной лингвокультуре с давних времён. Чаще всего сте-

реотипы возникают из-за наблюдений за повадками и характеризуют поведение животного с позиций человека» [21, с. 79].

Данные метафоры используются в тексте сказаний в различных комбинациях, состав и порядок которых не являлись статичными. К примеру, *Кабылан Манас шер уулу* ‘тигро-подобный Манас сын льва’; *Боз ала шумкар Манасым* ‘сере-пестрый сокол мой Манас’; *Кыраан Манас кабылым* ‘зоркий беркут мой Манас’; *Арстан тууган шер Сыргак* ‘рожденный львом богатырь Сыргак’; *Кабылан Сыргак кырааным* ‘зоркий беркут мой Сыргак’; *Алмамбет кыраан көк жсал* ‘Алмамбет зоркий беркут сивогривый’; *Арстан тууган Алмамбет* ‘рожденный львом Алмамбет’ и др.

В эпических традициях киргизского народа, так же, как и у якутов отводится важная роль образу коня – помощника и доброго советчика. Так, рождению богатыря Манаса следует появление на свет его будущего спутника и помощника коня Аккулы. Он «предназначен» герою, и потому рожден в один день и час [22, с. 393]. Но в отличие от якутской эпической антропонимики клички коней не играют такую важную роль в номинации героев.

Определенный антропонимический пласт в эпосе «Манас» не понятен современным носителям киргизского языка в связи с наличием заимствованных и архаичных имен. К таким можно отнести китайские имена: *Айжаңжуң* (от кит. *цзянь-цзунь* ‘генерал’), *Будаңчаң*, *Жаңшаа*, *Күнжаңжуң*, *Ыраңшоо* и др. Присутствуют имена арабского и персидского происхождения, включенные в эпос после принятия ислама. Сюда, безусловно, относятся имя отца Манаса – *Жакыпа*, ближайшего соратника Манаса – *Алмамбета*, кроме того – *Адам ата*, *Азезил*, *Азирет Аалы*, *Баабетдин*, *Гүлнаар*, *Жанадил*, *Кабыл*, *Кемел*, *Обо Эне (Ева)*, *Сулайман*, *Урүстөм*, *Үсөн*, *Шоорук*, *Ысмайыл* и другие.

Вместе с тем всё же преобладают антропонимы с вполне понятной и четкой этимологией. Такие имена, как *Айчүрөк* (*ай* ‘месяц’ + *чүрөк* ‘сердце’), *Акбалта* (*ак* ‘белый’ + *балта* ‘топор’), *Алтынай* (*алтын* ‘золото’ + *ай* ‘месяц’), *Бокмурун* (*бок* ‘навоз’ + *мурун* ‘нос’), *Бөрүкөз* (*бөрү* ‘волк’ + *көз* ‘глаз’), *Желмогуз* (обжора), *Карабөрк* (*кара* ‘черный’ + *бөрк* ‘шапка’), *Карлыгач* (ласточка), *Кишитаи* (*киши* ‘человек’ + *таи* ‘камень’), *Музкиндик* (*муз* ‘лед’ + *киндик* ‘пуп’), *Токтобай* (*токтоо* ‘остановиться’), *Төлөбай* (*төлө* ‘платить’), *Турна* (журавль), *Түлкү* (лиса) и др., понятны современному читателю.

Таким образом, в киргизской антропонимике эпитеты не обладают постоянством, статичностью и не являются элементами именной формулы. Непостоянство характерно и для титулатуры, применяемой для номинации героев эпоса «Манас». Данное явление следует признать характерным и существенным отличием между якутскими и киргизскими эпическими традициями имяназвания. Действительно, употребление имен таких знаковых персонажей якутского олонхо, как *Туйаарыма Куо*, *Ньургун Боотур*, *Бэриэт Бэргэн*, без привычной титулатуры могло бы значительно ухудшить идентификацию и когнитивное восприятие сложившихся образов, если не сделает это и вовсе невозможным.

В качестве других отличительных особенностей имен других персонажей эпоса «Манас» можно назвать их соответствие именам реальных исторических личностей соседних народов либо героев их эпосов. С. М. Абрамзон проводит параллели между *Конгурбаем* и главным героем калмыцкого эпоса «Джангар» – *Хонгором*, калмыцким богатырем *Джолоем* и монгольским (халхаским) князем *Шолой Убаши Хун-тайджи* (XVI–XVII вв.), ханом города Дагалака *Кырмуша* и между именем тэнгрия *Хормуста* (Индры) из буддийско-шаманской мифологии [10, с. 236]. Также антропонимы эпоса совпадают с этнонимами. Предполагается, что большинство киргизских этнонимов происходят от личных имен предков или основателей отдельных киргизских родов. В связи с этим, персонажи эпоса,

являющиеся родоначальниками киргизов, могут рассматриваться как реально существовавшие исторические личности.

Сравнительный анализ личных имен персонажей двух эпосов позволяет отметить ряд контрастных явлений, присущих киргизскому эпосу. Так, в традициях имянаращения и в самой именной формуле киргизского эпоса заметно влияние ислама и арабского, персидского языков. В имени и эпитетах героев часто используются зоонимы. Титулатура и эпитеты не являются статичной частью именной формулы. Также в эпосе Манас встречаются иноязычные элементы с неясной этимологией, выступающие в качестве имен чужеродных героев.

Особенности передачи киргизских эпических антропонимов при переводе на якутский язык

В предыдущих двух разделах рассмотрели особенности антропонимики в якутских и киргизских эпических традициях, отметили сходства и различия. В настоящее время соприкосновение традиций мы видим во взаимных переводах эпосов. Киргизский эпос «Манас» переведен на якутский язык (2014), что является значимым событием в межкультурной коммуникации двух тюркоязычных народов, в фольклоре которых эпосы занимают ведущее место. Обратимся к данному переводу и рассмотрим особенности трансформации киргизской антропонимики при переводе на якутский язык.

В издании содержится два варианта перевода первой части трилогии, повествующей о жизни главного героя Манаса. В переводе, выполненном Т.С. Кириллиным, личные имена персонажей переданы в транскрипции, выполненной переводчиками эпоса на русский язык. В варианте, авторами которого являются Т.И. Петрова и А.Г. Гуринов предпринята попытка адаптации части имен собственных к фонетике якутского языка. Где это не представлялось возможным, имена переданы на языке оригинала, что можно считать удачным решением, поскольку дополнительно принятые в киргизском алфавите буквы имеются также и в якутском алфавите. Так, киргизское «Ж» передано фонетически близким «Дь» (*Жакып*=*Дьякып*, *Жолой*=*Дьолой*), ударные гласные переданы долгими (*Манас*=*Манаас*, *Бай*=*Баай*). Вместе с тем при транскрибировании отдельных имен не учтены ряд особенностей киргизской фонетики. К примеру, в позиции перед, между и после твердых гласных согласная [к] произносится как увулярный [q], что соответствует якутскому [x], а [г] произносится как [ɣ], обозначаемый в якутском языке буквой [ɟ] (*Сыргак*=*Сырɟак*, *Бакай*=*Бахай*, *Бак Дөөлөт*=*Бах Дөөлөт*, *Кан*=*Хаан* и др.). Таким образом, реализованные при переводе принципы транскрипции с обращением к языку-оригиналу можно считать щадящим способом передачи антропонимики родственных языков, исключив при этом роль языков-посредников.

Передача имен в оригинальной форме исключает искажения, даже в случае невозможности передачи семантики. В распоряжении авторов имеются неопубликованные варианты перевода эпоса «Манас» на якутский язык, где отмечается высокая посредническая роль русского текста, что местами привело к искажению первоначального смысла имен. Так, имя *Музкинди́к* (*муз* ‘лед’ + *кинди́к* ‘пуп’) переведено как *Муус Күннүк* (*муус* ‘лед’ + *күннүк* ‘день в пути’), *Көлбай* (*көл* ‘озеро’) – *Холбой* (рус. Колбай), *Көкбөрү* (*көк* ‘синий, серый’ + *бөрү* ‘волк’) – *Күөх бүүр* (рус. Кокбёру) (*күөх* ‘синий, зеленый’ + *бүүр* ‘почка’) и т. д. Названные примеры подтверждают необходимость и подчеркивают особое значение сравнительного изучения эпической антропонимики тюркоязычных народов.

При переводе антропонимики важно помнить, что эпосы являются художественными произведениями со своей особенной структурой, со сложившимися веками поэтическими традициями, устоявшимися стихотворными размерами. Перед переводчиками стоит не-

простая задача донести эти особенности до читателя. И, наверное, не всегда имеется возможность отразить в переводе семантику имени.

Заключение

Данное исследование выявило существенные отличия в структуре имени эпических героев, выражающиеся, прежде всего, в количестве элементов именной формулы, а именно эпитетов, показателей и титулатуры. Во-первых, имена героев эпоса «Манас» являются односоставными, эпитеты и титулатура не носят постоянного характера и не образуют константу; во-вторых, в антропонимике олонхо преобладают имена со сложной структурой, где кроме самого имени присутствуют эпитет, показатель, также важная роль придается кличкам богатырских коней; в-третьих, важной особенностью, отличающей имена героев, является наличие в эпосе «Манас» имен исторических персонажей, когда как в олонхо все герои являются мифическими; в-четвертых, в якутском эпосе не редки именные формулы, содержащие заимствования из русского и тунгусо-маньчжурских языков, в «Манасе» заимствованные имена имеют арабские, персидские, китайские, монгольские элементы; в-пятых, якутская антропонимика обладает затемненной этимологией, тогда как семантика личных имен героев киргизского эпоса в большинстве своем доступна к пониманию. Еще одним важным результатом сравнительного изучения должна стать выработка принципов передачи имен собственных при переводе.

В целом этимология, семантика, структура имен и традиции имяназечения представляют собой широкое поле для научных изысканий. Эпические традиции в призме антропонимики могут дать ответы на многие вопросы этногенеза тюркоязычных народов, их взаимодействия с друг другом и окружающими этносами.

Литература

1. Бурцев, Д. Т. Якутский эпос олонхо как жанр / Д. Т. Бурцев. – Новосибирск : Наука, 1998. – 85 с.
2. Исаева, М. К. Трилогия эпоса «Манас. Семетей. Сейтек» как национальная идентичность кыргызов / М. К. Исаева // Известия НАН КР. – 2014. – № 3–4. – С. 74–80.
3. Кыдырбаева, Р. З. Генезис эпоса «Манас» / Р. З. Кыдырбаева. – Фрунзе : Илим, 1980. – 278 с.
4. Уткин, К. Д. Мифологические основы якутских олонхо / К. Д. Уткин. – Якутск : Ситим ЧИФ, 1994. – 32 с.
5. Мамажакыпова, А. Ж. Женские и мужские личные имена как единицы культурного кода (на материале киргизского языка) / А. Ж. Мамажакыпова // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 557. – С. 131–140.
6. Филиппова, Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика : автореферат дисс. ... кандидата филологических наук / Филиппова Нина Игнатьевна. – Якутск, 2000. – 24 с.
7. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо / Н. В. Емельянов. – Москва : Наука, 1980. – 375 с.
8. Павлова, О. К. Образы главных героев олонхо северо-восточной традиции якутов / О. К. Павлова // Вестник СВФУ: Серия Эпосоведение. – 2017. – № 3 (07). – С. 57–67.
9. Павлова, О. К. Образы богатырей абаасы как противников главных героев (на примере олонхо северо-восточной традиции якутов) / О. К. Павлова // Вестник СВФУ. – 2018. – № 3 (65). – С. 112–118.
10. Абрамзон, С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С. М. Абрамзон. – Фрунзе : Кыргызстан, 1990. – 480 с.
11. Манаас: кыргыз баатырды эпоһа / Бексултан Жакиев кылгатан суруйуута, нуучалы тылбааһа; нуучалыттан сахалы тылбаастара: Т. Петрова, А. Гуринов-Арчылан, Т. Кириллин; Т. Герцен иллюстрацията; [хоумуйан онордо А.Н. Жирков]. – Дьокуускай : Бичик, 2014. – 632. (На якутском и русском языках).
12. Берков, П. Н. Алтайский эпос и Манас / П. Н. Берков // Киргизский героический эпос «Манас» – Москва : Издательство АН СССР, 1961. – 234–251 с.
13. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1974. – 727 с.

14. Горячева, В. Д. К проблеме названия кыргызского эпоса / В. Д. Горячева // Эпос «Манас» как историко-этнографический источник. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса «Манас». – Бишкек, 1995. – 18–20 с.
15. Бернштам, А. Н. К происхождению имени «Манас» / А. Н. Бернштам // «Манас» – героический эпос кыргызского народа. – Фрунзе, 1968. – 177–191 с.
16. Гуринов, А. Г.–Арчылан. К этимологии сакрального имени Манас / А. Г. Гуринов–Арчылан // Новая литература Кыргызстана / Кыргызстандын жаңы адабияты. Электронная библиотека. 11 сентября 2014 года. – URL: <http://www.literatura.kg/articles/?aid=2031> (дата обращения 05.09.2024).
17. Кыргызско-русский словарь: в 2-х кн. / сост.: К. К. Юдахин. – Фрунзе: Главная редакция Кыргызской советской энциклопедии, 1985. Кн. 1. А–К. – 504 с.
18. Шериев, А. Ж. Титулатура в языке Киргизского эпоса «Манас»: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук / Шериев Абдыганы Жээналиевич. – Москва, 1991. – 19 с.
19. Эпос «Манас». Первый том. Саякбай Каралаев. BIZDIN.KG. – URL: <https://new.bizdin.kg/kniga/epos-manas-pervyy-tom> (дата обращения 05.09.2024). – Текст: электронный (На кыргызском языке).
20. Эпос «Манас». Второй том. Саякбай Каралаев. BIZDIN.KG. – URL: <https://new.bizdin.kg/kniga/epos-manas-vtoroy-tom> (дата обращения 05.09.2024). – Текст: электронный (На кыргызском языке).
21. Акматова, А. Б. Зооморфные метафоры в кыргызском языке / А. Б. Акматова // Гуманитарный вектор. – 2020. – Т. 15. – № 1. – С. 79–83.
22. Нарынбаева, Н. О. Мифологический образ коня в эпическом творчестве тюрко-монгольских народов / Н. О. Нарынбаева // Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии: сохранение, изучение и популяризация: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня рождения сказительницы Натальи Черноевой (Горно-Алтайск, 10–13 сентября 2019 года). – Горно-Алтайск: НИИ Алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. – 390–402 с.

References

1. Burtsev DT. Yakut olonkho epos as a genre. Novosibirsk: Nauka; 1998:85 (in Russian).
2. Isaeva MK. The trilogy of the epos «Manas. Semetei. Seytek» as a national identity of the Kyrgyz. News of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, 2014;3–4:74-80 (in Russian).
3. Kydyrbaeva RZ. Genesis of the Epic of Manas. Frunze: Izdatel'stvo Ilim; 1980:278 (in Russian).
4. Utkin KD. Mythological foundations of the Yakut olonkho. Yakutsk: Sitim ChIF; 1994:32 (in Russian).
5. Mamazhakypova AZh. Female and male personal names as units of cultural code (based on the Kyrgyz language). Bulletin of Moscow State University, 2009;557:131-140 (in Russian).
6. Filippova NI. Proper names of characters in the Yakut epos olonkho: structure and semantics. Summary of Candidate's dissertation (Filology). Yakutsk: Research Institute of National Schools of the Republic of Sakha (Yakutia); 2000:24 (in Russian).
7. Emelyanov NV. Plots of Yakut olonkho. Moscow; 1980:375. (in Russian)
8. Pavlova OK. Images of the main characters of the olonkho of the north-eastern Yakut tradition. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series «Epic Studies», 2017;3(07):57-67 (in Russian).
9. Pavlova OK. Images of the Abaasy heroes as opponents of the main characters (based on the example of the olonkho of the north-eastern tradition of the Yakut's). Vestnik of North-Eastern Federal University, 2018;3(65):112–118 (in Russian).
10. Abramzon SM. The Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural ties. Frunze; 1990:480 (in Russian).
11. Zhirkov AN. (ed.) Manaas: Kyrgyz heroic epic Manas. Yakutsk: Bichik; 2014:630 (in Yakut and Russian).
12. Berkov PN. Altai epic and Manas. Kyrgyz heroic epic «Manas». Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences; 1961:234-251 (in Russian).
13. Zhirmunsky VM. Turkic heroic epic. Leningrad: Izdatel'stvo Nauka; 1974:727 (in Russian).
14. Goryacheva VD. On the problem of the name of the Kyrgyz epic. In: The epic «Manas» as a historical and ethnographic source. Abstracts of the international scientific symposium dedicated to the 1000th anniversary of the epic «Manas». Bishkek, 1995:18-20 (in Russian).

15. Bernstam AN. On the origin of the name «Manas». «Manas» is the heroic epic of the Kyrgyz people. Frunze; 1968:177-191 (in Russian).
16. Gurinov AG. On the etymology of the sacred name Manas. In: New Literature of Kyrgyzstan [online]. 11.09.2014. Available at: <http://www.literatura.kg/articles/?aid=2031> [Accessed 11.01.2014] (in Russian).
17. Agaim KK. (ed.) Kyrgyz-Russian dictionary: in 2 books. Vol. 1. A-K. Frunze: Editorial Board of the Kyrgyz Soviet Encyclopedia; 1985:504 (in Kyrgyz and Russian).
18. Sheriev AZh. Title in the language of the Kyrgyz epic «Manas». Summary of Candidate's dissertation (Filology). Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences; 1991:19 (in Russian).
19. Karalaev Sayakbay. The epic «Manas». Volume one. In: BIZDIN.KG. [online] Available at: <https://new.bizdin.kg/kniga/epos-manas-pervyy-tom> [Accessed 05.09.2024] (in Kyrgyz).
20. Karalaev Sayakbay. The epic «Manas». The second volume. In: BIZDIN.KG. [online] Available at: <https://new.bizdin.kg/kniga/epos-manas-vtoroy-tom> [Accessed 05.09.2024] (in Kyrgyz).
21. Akmatova AB. Zoomorphic Metaphors in the Kyrgyz Language. Humanitarian vector, 2020;15;1:79-83 (in Russian).
22. Narynbaeva NO. The mythological image of the horse in the epic works of the Turkic-Mongolian peoples. In: Heroic epic and storytelling art of the peoples of Eurasia: preservation, study and popularization: Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the birth of the storyteller Natalia Chernoeva, 10 September, 2013, Gorno-Altai. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaistics: 2019:390-402 (in Russian).